Где-то, когда-то у Лазоревых Гор была такая страна Синегория, где жили работящие и веселые люди - синегорцы.

Природа в стране была добрая, климат вполне умеренный, так что и зимой жители не мерзли и летом чересчур жарко им не было, можно было всегда найти холодок под пальмами и всевозможными баобабами. А некогда грозный вулкан Квипрокво давно уже заснул и только изредка похрапывал во сне, что уже никого не пугало. Дети катались на салазках с его снежной вершины, и в самом жерле кратера люди пекли каштаны.

Путешественники из дальних стран приезжали сюда, чтобы полюбоваться Лазоревыми Горами, отведать чудесных плодов, которые в изобилии зрели тут, и приобрести несравненной чистоты зеркала, а также знаменитые мечи, острые и прочные, но столь тонкие, что стоило повернуть их ребром, и они делались невидимыми для глаза.

Плоды, зеркала и мечи Синегории славились на весь свет, и кто же не знал, что именно тут, у подножия горы Квипрокво, живут Три Великих Мастера:

- славнейший Мастер Зеркал и Хрусталя ясноглазый Амальгама, искуснейший оружейник Изобар и знаменитый садовник и плодовод, мудрый Дрон Садовая Голова!

Могучие руки Изобара легко гнули самое толстое железо, но могли сплести и тончайшую кольчугу. Он ковал и мечи и плуги, а дети синегорцев играли затейливыми погремушками, которые мастерил для них добрый оружейник.

Дрон Садовая Голова выращивал виноград, крупный, как яблоки, и яблоки, огромные и тяжелые, словно арбузы. В садах его цвели розы и лилии невиданной красоты. От аромата их люди веселели, как от самого крепкого вина.

Но больше всех синегорцы любили великого мастера Амальгаму. Он отливал стекло, в гранях которого всеми семью своими цветами жила радуга, а зеркала славного Мастера обладали таинственным свойством сохранять в своих глубинах солнечный свет и излучать его в темноте.

Причем тончайшие лучи, если перебирать их пальцами, пели, будто струны арфы. Все любили Мастера, ибо люди в Синегории были красивы и зеркала мало кого огорчали, а дети радовались семицветным зайчикам, которые целыми стайками спрыгивали с зеркал Амальгамы.

Но потом случилось так, что долгие годы ни один путешественник не мог проникнуть в Синегорию. Жестокие бури преграждали путь кораблям, желавшим приблизиться к острову. Лишь одному смелому мореплавателю и его отважным товарищам удалось, наконец, пробиться на корабле к берегам Синегории. Но когда корабль бросил якорь и усталые путешественники сошли на землю, они не узнали некогда веселой и цветущей страны, где прежде не раз вкушали сладкие плоды, дышали веселящим ароматом цветов, фехтовали легкими невидимыми мечами и разглядывали себя в хрустальных зеркалах...

Пустынно было на улицах. Хлопали ставни и распахнутые настежь двери домов. Ветер, ни на миг не унимаясь, выл в переулках, свистел в печных трубах, как злая собака трепал и рвал одежду людей. А люди шли, сгибаясь, словно низко кланялись ветру, и деревья гнулись к самой земле. Ветер мел сухие листья по испещренной земле, и ниоткуда не доносилось ни аромата цветов, ни детского смеха, ни пения птиц. Только скрипучий жестяной визг слышался отовсюду. Это гремели, лязгали и крутились на всех крышах вертушки флюгеров.

- Что у вас произошло, что случилось? - спросили у жителей озадаченные путешественники.
- Разве вы не знаете? - отвечали им. - Нас разорили ветры... Все пошло на ветер.

И путешественники узнали, что страной завладел злой и глупый король, который жил на соседнем острове. Звали его Фанфарон БезЧетвертиДвенадцатый, потому что Фанфарон Одиннадцатый давно уже отцарствовал и умер, а полный номер давали королю только по выслуге лет, так что, первого Фанфарона звали сперва Нулевым, а был потом Фанфарон Полуторный, Фанфарон ДвухсПоловинный и т. д.

А до Фанфаронов царствовала династия Хорохоров. Эта династия держалась на троне так долго, что все сбились со счета, и последнего из Хорохоров звали уже просто Хорохор ПятизначныйсДробью.

Король Фанфарон БезЧетвертиДвенадцатый был человек крайне легкомысленный. Он ходил расфранченный в пух и прах и, в конце концов, пустил все своё состояние по ветру. И в народе стали говорить, что король продулся, у короля ветер в голове, король болтун и, что ни скажет - все на ветер.

И это было справедливо. Поэтому ветры всего света решили, что Фанфарон - самый подходящий для них, самый ветреный в мире король. Они слетелись на остров и стали уговаривать Фанфарона:

- Хочешь, мы развеем все печальные мысли твои, о Король?
- Ваше величество, мы раздуем славу о Фанфаронстве на весь свет!
- Дуйте! - сказал глупый король.

И ветры стали хозяйничать в стране. Власть захватил Тайный Совет Ветров. Всем жителям было приказано поставить на крышах флюгеры, чтобы всем и каждому было видно, куда ветер дует. Под страхом смерти жители обязаны были держать двери раскрытыми настежь. Сквозняки проникали в дома через все двери, окна и щели, подхватывали каждое слово и доносили его Фанфарону. Все дети острова переболели ветряной оспой. Специально назначенные королем Начальники Печной Тяги следили за тем, чтобы люди весь свои достаток спускали в трубу.

Разрешены были только духовые оркестры. Король окружил себя ветродуями и ветреницами. Первым министром и, по сути, правителем страны стал главный придворный ветрочет, хитрый Жилдабыл - Продувная Бестия. Король наградил его знаком Опахала, цепью Большого Веера и высшим отличием - "Розой Ветров".

Три славных Мастера были схвачены королевскими ветродуями и доставлены на остров.

Дрону Садовая Голова разрешили выращивать лишь одуванчики.

Оружейнику Изобару приказали мастерить флюгера, одни лишь флюгера - ничего больше.

А славному Амальгаме велели перебить все зеркала и больше никогда не отливать их, ибо король был крайне безобразен лицом и не раз уже бывало, что, посмотревшись в зеркало, он в ярости разбивал его.

Ветры же ненавидели вообще всякие стекла, потому что они мешали дуть в окна. А злой, алчный Жилдабыл – Продувная Бестия запретил зеркала, чтобы люди не могли сами разглядеть, как иссушили их ветры.

И Великого Мастера, зеркала которого были жилищем света и красоты, заставили теперь быть поставщиком мыльных пузырей. Король Фанфарон очень любил пускать мыльные пузыри, а Мастер Амальгама знал секреты особых составов. Он подмешивал их в мыло, и король выдувал пузыри невиданного размера, серебристые, зеркальные. Они взлетали высоко и лопались не сразу. Но Амальгама знал, что все равно это дело лишь на полминуты, ибо искусство долговечно только тогда, когда человек с любовью вложил в труд всю свою вольную душу...

Тяжелые времена настали в Синегории. Злые ветры иссушили поля и сады; там, где шумели прежде леса, теперь громоздился бурелом, а где благоухали розы, все заросло бурьяном и трын-травой. Кожа людей была иссушена и состарена. И только ветры выли в трубах да гремели жестяные флюгера. А король пускал мыльные пузыри, слушал, как верещат на крышах вертушки да рявкают духовые оркестры, и любовался облетающими одуванчиками.

Тем временем у Дрона Садовая Голова выросла дочь Мельхиора, в тысячу раз более прекрасная, чем самая лучшая лилия, которая когда-то украшала цветники Дрона. И ясноглазый Амальгама, томившийся

в сумрачном замке, полюбил ее. Глаза Мельхиоры напоминали ему радугу, смех ее похож был на хрустальный звон лучей, отраженных зеркалом.

Девушка тоже полюбила Мастера за его лучистые глаза, за светлую голову и солнечный нрав. Дрон Садовая Голова скрывал дочь от короля, но сквозняки пронюхали об этом и донесли Фанфарону.

- Фьюфью! - присвистнул Фанфарон, увидев, как прекрасна Мельхиора. - Я и не знал, что старый садовник утаил от нас свой лучший цветок... Почему бы твоей дочке не стать моей придворной ветреницей?

Красавица в ужасе отшатнулась от жадного урода. Король понимал, что Мельхиора никогда не полюбит его и потому пустился, по совету Жилдабыла, на хитрость. Он знал, что во дворце нет ни одного зеркала, Мельхиора никогда не видела своего лица и даже не подозревает, как она хороша. И Фанфарон приказал всем, кто окружал прекрасную дочь Дрона Садовая Голова, говорить ей, что она чудовищно уродлива.

Отныне придворные, встречая Мельхиору, отворачивались якобы от ужаса и омерзения, а король пользовался каждым удобным случаем, чтобы сказать ей:

- Видишь, как я добр! Я, король, могучий повелитель Ветров, предлагаю тебе свою любовь и зову тебя стать моей ветреницей. Смотри, все отворачиваются от тебя, так ты безобразна. Но у меня доброе сердце, я помню заслуги твоего отца и не брезгаю тобой. Соглашайся же, быть может, я сделаю тебя королевой.

Но Мельхиора продолжала упрямо отвергать любовь короля.

- Неужели я так безобразна? - в тоске спрашивала она у Амальгамы. - Как же ты полюбил меня?

- Ты прекрасней всех на свете, поверь мне, - говорил ей Амальгама, - и я готов повторить это где угодно, хотя бы Ветры и разорвали меня за такие слова. Ах, если бы у меня было хоть одно из моих зеркал, я бы дал тебе поглядеть в него, и ты сама не могла бы насмотреться на себя!

Но Мельхиора нигде не могла увидеть своего лица. Когда она выходила на улицу, король приказывал ей закрывать лицо покрывалом, чтобы народ не пугался ее уродства.

- Взгляни в мои глаза, - говорил ей Амальгама. - Разве ты не видишь, как ты хороша?
- Нет, - отвечала Мельхиора, - я вяжу в твоих глазах только любовь, которая заслоняет все и так же слепит меня, должно быть, как и тебя, и больше ничего не вижу.

- Тогда пойди к пруду и посмотрись в него - вода скажет тебе правду! - воскликнул Амальгама. И прекрасная Мельхиора побежала к пруду. Она наклонилась над его зеркальной поверхностью и стала смотреть на свое отражение. Но один из Ветров тот же час подлетел и принялся дуть на воду. Зеркало воды зарябило, и прекрасные черты Мельхиоры безобразно исказились. Она в ужасе отпрянула, закрыв лицо руками.

"Да, король прав, я действительно уродлива до крайности. Должно быть, Амальгама полюбил меня только из жалости".

Однако ей захотелось еще раз и окончательно убедиться в своем безобразии.

- Если я так уродлива, Ваше Величество, - сказала она королю, - то почему бы вам не помочь мне самой убедиться в своем уродстве? Разрешите Мастеру Амальгаме изготовить лишь одно, хотя бы самое маленькое зеркало.

Король не знал, что ему ответить. Он был не очень-то умен и догадлив, этот повелитель Ветров. Но хитрый Жилдабыл опять подсказал ему совет.

- Заставь его отлить неверное стекло, - сказал Ветрочет королю. - Пусть она полюбуется на себя в кривом зеркале.

Король позвал Амальгаму и сказал:

- Говорят, что ты очень скучаешь без своих стекол, Мастер. Я разрешаю тебе отлить одно зеркало, но при условии, что это зеркало должно быть кривым, и каждый, кто взглянет в него, пусть увидит себя в самом смешном, непривлекательном виде. И чем красивее человек, тем пусть страшнее выглядит он в зеркале. Пусть нос его перекосится и станет поперек лица, глаза вылезут на щеки, рот расползется до ушей, а уши повиснут, как у собаки.

- Нет! Никогда! - отвечал Амальгама, - Никогда мои зеркала не могут кривить душой перед лицом истинной красоты.

Король разъярился:
- Ты…, ты посмел ослушаться моего приказания! Ты хочешь попасть в вентилятор?.. Эй, ветродуи! Взять его!
- Погоди... Сперва дай мне подумать, - сказал Амальгама. Он помолчал несколько минут, потом, словно решившись и глядя своими ясными глазами в лицо короля, промолвил:
- Ладно, пусть будет по-твоему, я сделаю такое зеркало.
- Но не вздумай хитрить, - предупредил его король. - Сперва я сам взгляну в зеркало и проверю его на себе.

Амальгама пошел к себе в мастерскую, раздул огонь под горном, поставил тигель. Он отливал стекло три дня и три ночи. Еще три дня и три ночи гранил и шлифовал его. И он изготовил зеркало, лучше которого никогда еще не делал. Потом он доложил королю, что работа готова. Король посмотрел на зеркало сбоку и сказал:
- Я не замечаю, чтобы поверхность его была кривой.
- В этом-то и весь секрет, Ваше Величество, - ответил Амальгама. - С виду это обыкновенное стекло. Не угодно ли посмотреться в него?

Король взглянул на себя в зеркало и, так как был он несказанно безобразен, но уже много лет не видел себя в зеркале, то захохотал от восторга:

- Ты молодец, Мастер, я награжу тебя знаком Опахала. Ну и коверкает же человека твое зеркало! Смотри - нос поперек лица, глаза вылезли на щеки, рот растянулся до ушей и уши висят, как у собаки. Слава богу, что это лишь кривое зеркало.

И. уже ничего не опасаясь, Фанфарон приказал явиться Мельхиоре.

- Я выполнил твою просьбу, Мельхиора, - сказал король. - Вот самое правдивое зеркало, его сделал твой друг Амальгама. Взгляни в него и согласись, что я говорил тебе правду - сказал король, посмеиваясь.

Но едва Мельхиора взглянула в зеркало, она отшатнулась и закрыла рукой глаза, не сразу поверив им.

- Теперь, надеюсь, ты убедилась, какова ты? - спросил довольный король.
- Да, теперь мне известно, какова я, - тихо произнесла Мельхиора и снова приникла к зеркалу, не в силах оторваться от него.
- То-то же, - сказал король. - Ну, теперь ты не будешь больше упрямиться. - И, повеселев, король позвал придворных и велел им всем глядеться в зеркало.

Министры и вельможи, ветродуи и Начальники Печной Тяги смотрели в зеркало и отплевывались: "Ну и рожи у нас получаются в этом стекле!". Им и невдомек было, что Амальгама изготовил зеркало совершенно прямое и верное. Только хитрый Жилдабыл заподозрил что-то неладное. Он схватил зеркало, внезапно поднес его к лицу Амальгамы и увидел, что Мастер отражается в стекле таким же ясноглазым, каким он был на самом деле.

- Смотрите, Ваше Величество, - завопил Жилдабыл, - негодяй обманул вас! Он изготовил зеркало с коварным свойством: наши лица и прекрасный лик самого короля стекло уродует, а лица Мастера и этой упрямицы оставляет неискаженными.

- Ну, не миновать теперь тебе вентилятора! - сказал Мастеру взбешенный король. Он хватил зеркалом о каменный пол с такой злобой, что стекло брызнуло во все стороны, и стал топтать осколки.

Королевские ветродуи схватили Амальгаму. Его бросили в темный подвал, куда не проникала ни искорка света.

На другой день ослушника судил Совет Ветров. В огромном зале судилища, где под куполом были размечены четыре страны света и вместо люстры дрожала гигантская стрелка компаса, собирались на совет Ветры.

Первыми вбежали гурьбой, став по левую и правую сторону трона, всевозможные Пассаты и Муссоны.

Главный флюгермейстер королевского двора объявил о прибытии Ветров.

Вот ворвался бурный, очень взвинченный, туго закрутив на себе плащ, Циклон. Глаза его метали стрелы молний. Он гнал перед собой, нахлестывая бичом, гигантскую юлу, гудящий волчок из воды и песка...

Из противоположной двери расслабленной походкой проследовал его противник - обрюзгший и вялый Антициклон. Он сгибался под тяжестью баллона, в котором был воздух под высоким давлением. Распущенное бесцветное одеяние болталось на нем.

- Господин НордОст! - провозгласил флюгермейстер.

Укутанный в меха, красноносый, с длинной белой развевающейся бородой, вторгся НордОст. В зале сразу похолодало, НордОст дышал со свистом, и дыхание его инеем оседало на пол. Длинной костлявой рукой, на которой вместо пальцев были сосульки, НордОст вел за собой своего сына, Бора.

- Господин ЗюйдВест! - объявил флюгермейстер. - Аапчхи!..

Сморкаясь и чихая, вошел ЗюйдВест в клеенчатом дождевике, развернув зонтик, шлепая ревматическими ногами в калошах, оставляя мокрые следы на паркете, В зале тотчас послышались кашель и чихание.

Но вот раздался пронзительный свист, и в развевающемся шарфе цвета морской пены, в венке из осыпающихся виноградных листьев влетел еще один Ветер.

- Синьор Сирокко, гроза виноградников! - возвестил флюгермейстер.

Раскосый, с пиратской серьгой в ухе, раздув смуглые щеки, со свистом дыша сквозь редкие зубы, рассекая воздух самурайским мечом, ворвался Тайфун.

- Хан Суховей!...

И всех обдало горячим воздухом. Тяжело отдуваясь, облизывая сухим, бледным языком потрескавшиеся губы, вошел Ветер. У него были воспаленные колючие глаза, а на бритой голове - венок из сухого ковыля и полыни.

За ним, звеня шпорами на мокасинах, в широкой ковбойской шляпе сомбреро, бешено вертя над головой свистящим лассо, пронесся Торнадо - ветер ВестИндии и прерий.

Примчался полуголый Фэн, жгучий брюнет с огненными глазами и тонким, сухим ртом, - губитель мандаринов Колхиды. На бронзовых плечах его курчавились завитки золотого руна, перекинутого за спину.

- Самум, Властитель Пустыни!

И в зал, яростно ревя бычьим голосом, вращая сумасшедшими глазами, скрипя песком на зубах, косматый, рыжий, весь в лохмотьях, ввалился страшила - головой под самый потолок.

Наконец флюгермейстер, набрав в грудь воздуху, так, словно он сам собрался продуть весь мир, громогласно объявил:

- Его Королевское Величество, повелитель Ветров Фанфарон!

Качнулись мехи органа; надув щеки, затрубили музыканты. Все задудело, завыло. Сквозняки зашмыгали по углам, маленький Вихрь пронесся по залу, крича: - Дорогу королю!

В сопровождении главного Ветрочета Жилдабыла и свиты, состоящей из ветродуев и ветрениц, в короне с большим флюгером вошел Фанфарон.

- Господа Великие Ветры, - начал король, - улягтесь!

Ветры улеглись на широких диванах.

Начался королевский суд. Ветродуи ввели в зал Мастера Амальгаму. Увидев его, Ветры заревели и завыли. Поднялась буря в зале. Немалого труда стоило флюгермейстеру справиться с этим ураганом и установить снова в зале штиль

Бесстрашный и ясноглазый, смотрел на короля и окружающих Мастер Зеркал. Жилдабыл прочел обвинение.

- Признаешь ли ты себя виновным? - спросил король.

- Я виновен только в том, - гордо отвечал Мастер, - что всю свою жизнь не искажал прекрасного, не скрывал уродства, не льстил безобразию и говорил людям правду прямо в лицо.

- Выжечь ему глаза! - завопил Суховей.
- Забить ему рот песком! - взревел Самум.
- Захлестать его ливнем! - предложил ЗюйдВест.
- Скрутить его в смерч! - взвизгнул Циклон.
- Заморррозить его! - проскрежетал НордОст.
- Удушить и растоптать! - гаркнул Торнадо.
- Сделать ему харакири! - взвыл Тайфун.
- В вентилятор его! - закричал король.

- В вентилятор! В вентилятор! В вентилятор! - повторили Ветры. Это была самая лютая казнь.

Амальгаму - прекрасного Мастера Зеркал и Хрусталя бросили в темницу, в высокую башню одной из стен замка. Казнь была назначена на утро.

Прекрасная Мельхиора прибежала к оружейнику Изобару и бросилась перед ним на колени, умоляя спасти Мастера. Но где было узнать, в какой башне заключен Амальгама, и как можно освободить его, если все башни замка были прямые и гладкие, как свечи!

Когда истерзанный Амальгама очнулся после пыток, которым подвергли его ветродуи, он ошупал себя и нашел кусок стекла в своем кармане. То был осколок зеркала, которое в ярости разбил Фанфарон. Амальгама успел спрятать его.

Мастер забрался в узкую бойницу башни, поймал осколком луч солнца. Радужный зайчик прыгнул на крышу башни и стены дворца. И вот в каморку, где рыдала, ломая нежные руки. Мельхиора и могучий Изобар в бессилии сжимал свои тяжелые кулаки, вскочил зайчик, посланец Мастера. Мельхиора сразу догадалась, что это вестник Амальгамы.

Она подбежала к окну и увидела радужный луч в бойнице одной из башен.
И тут отец ее, мудрый Дрон Садовая Голова, хлопнул себя по лбу:

- О, я голова садовая! У меня же есть семена вьюнка. Я выращивал его пятьдесят пять лет подряд! Я ухаживал за ним днем и ночью, пока не добился чуда. Этот вьюнок растет с такой быстротой, что если протянуть нить между вершиной Квипрокво и его подошвой, а внизу бросить семена вьюнка, то его побеги мгновенно обовьются вокруг нити, оплетут ее, и не успеешь сказать: раз, два, три, как на самой вершине горы уже распустятся вьюнки.

Однажды я попробовал посеять мой вьюнок во время ливня... Можете себе представить, он мигом обвил струю дождя и, прежде чем она достигла земли, уже взбежал по ней на небо. Эх, дочка, я припасал эти семена для хорошего дня, чтобы сплести венок вокруг дома, в который бы ты вошла со своим любимым, но, видно, теперь пришла пора пустить в ход семена. Не плачь. Мы спасем Амальгаму. Я посею мой вьюнок под окном башни, где сидит Мастер.

- Но башня высока, бойница на самом верху. Как протянуть на такую высоту нить или вызвать дождь? - усомнился Изобар.
- О, мой вьюнок так силен и быстр в своем росте, что для него достаточно и прямого солнечного луча - он взберется и по нему!
- Но днем этого нельзя делать - заметит стража, а ночью нет солнца.
- Да, но сейчас полнолуние.
- Король поставил у башни самых верных своих ветродуев - предупредила Мельхиора, - они ночью не смыкают глаз.
- Ну, это я беру на себя, - успокоил ее Изобар. - Я в этот час перепорчу все флюгера на дворце, Ветры перессорятся, вот будет переполох!

Так они и сделали. Ветры к ночи увидели, что стрелки дворцовых флюгеров показывают разное направление, и тотчас забушевали.

- Сейчас моя очередь дуть, - вопил НордОст, - а флюгер показывает ЗюйдВест! Вызвать стражу, исправить флюгера!

Началась беготня во дворце. Ветродуи кинулись искать Изобара, но его и след простыл.

Тем временем вышла луна. Поймав ее жемчужный свет осколком зеркала, Амальгама послал вниз тонкий, дрожащий и прозрачный луч.
И там, где упал на землю этот луч, Дрон Садовая Голова бросил горсть своих волшебных семян. В тот же миг могучие ростки, переплетаясь, туго обвили лучи и побежали наверх, к вышке башни. Их было много, этих зеленых побегов. Зелень свилась в толстый прочный канат и Амальгама легко спустился по нему на землю. А когда один из часовых, услышав шум, бросился на Амальгаму, Мастер ослепил его, кольнув в глаза лучом из зеркала.

Так они бежали из дворца: Мастер Амальгама и Дрон Садовая Голова. Условлено было, что Мельхиора будет ждать их на берегу, где Изобар уже снарядил небольшой корабль с верными людьми. Но когда беглецы достигли берега, Дрон Садовая Голова не нашел там своей дочери. Мастер Амальгама не встретил здесь своей возлюбленной. Не знали они, что хитрый Жилдабыл ночью запер красавицу в один из подвалов замка.
Амальгама хотел тотчас же вернуться во дворец, чтобы освободить Мельхиору, но Дрон Садовая Голова и оружейник Изобар не пустили его, найдя такой поступок безрассудным. Амальгама лишь погубил бы себя и Мельхиору, а ее еще можно спасти, раз три таких Мастера на воле возьмутся за это дело.

Они нашли приют у добрых и смелых людей, которые звались Синегорцами. Это были надежные ребята, трудолюбивые и бесстрашные, искусные мастера и храбрые воины.

0тца заменит сын, и внук заменит деда,
На подвиг и на труд нас Родина зовет!
Отвага - наш девиз, - Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

"Отвага, Верность, Труд, Победа!" - таков был их девиз

Не было работы, с которой бы они не справились. Не встречалась еще опасность, которая испугала бы их. Они уж давно замышляли освободить страну от Фанфарона и злых Ветров. "Кто посеял ветер, тот сам пожнет бурю" - говорили Синегорцы. Они почтительно и радостно приветствовали Трех славных Мастеров и предложили им вступить в семью Синегорцев.

- Отвага! - сказал Изобар.
- Верность! - подхватил Амальгама.
- Труд! - произнес Дрон Садовая Голова.
- Победа! - заключили все трое, повторяя клятву Синегорцев.

И оружейник Изобар сказал при этом: - Я знаю, что надо делать мне. До сих пор я мастерил флюгера, по которым распознавалось направление ветра. Но теперь задача состоит в том, чтобы повернуть ветер туда, куда нам нужно. Дрон Садовая Голова всю душу свою вложил в семена вьюнка, и растение получило волшебную силу роста. Я добьюсь чуда с флюгерами, и мы покорим ветер. И он, не медля ни минуты, схватил в свои сильные руки молот и взялся за работу.

- Ты прав! - откликнулся Амальгама, - А я займусь своим делом. Чему до сих пор служили мои зеркала? Послушно отражали в себе красоту и показывали людям их недостатки. Но красота и безобразие существуют и помимо моих зеркал. Нет, я напрягу ум, буду работать с утра до вечера и с вечера до утра, но добьюсь, чтобы мои зеркала сами делали мир прекраснее. Я хочу, чтобы в людях отражалось все, что я вдохну в зеркало своим трудом, своей любовью.

Ибо на свете нет, силы, которая не уступила бы труду, если человек избрал свое дело по любви и вложил в него Душу. И Мастера принялись за работу. Они трудились днем и ночью, не чувствуя усталости, не зная отдыха и сна.

Великий Гнев вдохновлял Оружейника и раздувал огонь под его горном.

Великая Любовь поддерживала силы Мастера Зеркал и светилась в его хрустале.

Шло время, ибо для труда и совершенства требуется время...

Шло время, а прекрасная Мельхиора томилась в плену. Жестокий Жилдабыл бросил ее в грязный подвал. Холодные, скользкие жабы прыгали на грудь Мельхиоре, голохвостые крысы кусали ее прекрасное лицо, мокрицы лазили по ее рукам, и вскоре на лице Мельхиоры не осталось и следа былой красоты.

Жилдабыл принес ей осколок зеркала, случайно уцелевший во дворце. Горько заплакала бедная Мельхиора, когда из мутного стекла глянуло на нее желтое, безобразное, морщинистое лицо, все в кровавых подтеках, шрамах, рубцах, синяках и язвах.

- Что вы сделали со мной! - закричала бедная Мельхиора.

Но тут Жилдабылу пришла в голову еще одна злая затея.

-Успокойся, - сказал он, - ты по-прежнему хороша и прекрасна. Это лишь кривое зеркало. Мы изловили твоего Мастера и, видишь, он отрекся от тебя и от своей дурацкой правды. Он изготовил для тебя кривое зеркало. Смирись же теперь.

Однако в эту минуту Мельхиора увидела в зеркале лицо Жилдабыла, который не успел отклониться в сторону. Лицо в зеркале выглядело злобным и отвратительным, но не более ужасным, чем было оно у Ветрочета в действительности. Мельхиора поняла, что злой Ветрочет снова обманывает ее, но зато зеркало говорит ей жестокую правду. И все таки она обрадовалась этому, потому что потерять веру в любовь, ей было еще страшнее, чем утратить свою красоту.

К тому времени Мастера уже закончили работу. Синегорцы готовились к походу на Фанфарона. Но сквозняки, посланные Фанфароном, уже проникли через щели в жилище Синегорцев. Вскоре во дворце узнали, где скрываются Амальгама, Изобар и Дрон Садовая Голова. И Фанфарон послал боевые *ветро*летты к Лазоревым Горам, где скрывались Синегорцы. День был дождливый, ливень не прекращался ни на минуту, ветры гнали к горам густые тучи, и в них скрывались ветролеты.

Но Дрон Садовая Голова успел бросить у подножья горы горсти семян и вьюнки, тотчас, взобрались к тучам по струям дождя, а несколько побегов успели обвить даже молнию, метнувшуюся из тучи. Зеленая плотная сеть поднялась до самого неба вокруг жилища Синегорцев; ветролеты Фанфарона запутались во вьюнках, как мухи в паутине, и рухнули на землю.

Теперь Синегорцы сами стали готовиться к штурму дворца.

0тца заменит сын, и внук заменит деда,
На подвиг и на труд нас Родина зовет!
Отвага - наш девиз, - Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

Ночью, накануне штурма Синегорцы заменили все старые флюгера в стране новыми. Тысячи флюгеров, наделенных тайной силой, изготовил усердный Изобар. Перед тем как выступить в поход, Мастер Амальгама дал каждому синегорцу посмотреться в его новое зеркало, и каждый, кто смотрелся в него, становился еще храбрее, еще искуснее и вернее своему делу.

И вот наступил день штурма. Стрелки всех флюгеров повернулись остриями в сторону дворца. синегорцы выступили в поход. Изобар вооружил их своими новыми чудодейственными стрелами. Воины - синегорцы держали пики с хрустальными наконечниками, и за каждым копьем выгибалась маленькая радуга. Кроме того, каждый воин - синегорец был вооружен небольшим зеркальцем, укрепленным на запястье, и лукошком с семенами вьюнка. На рассвете корабли синегорцев тихо подплыли к берегам острова.

Развернув семицветное знамя, синегорцы бросились на штурм. Со стен дворца ударили буреметы. Ветры рванулись было навстречу синегорцам, но ни один флюгер на крышах не дрогнул.

И тут произошло великое чудо. Столько труда и ярости вложил в свою работу славный оружейник, что ветры ничего не могли поделать с флюгерами. Флюгера вышли из повиновения.

Как ни дули ветры, как ни раздували они щеки, всех их повернуло в одну сторону: на дворец Фанфарона!.. Потому что тысячи стрел, которые пустили синегорцы, были сделаны из того же чудесного металла, что и новые флюгера.

Они пробивали встречный ураган, увлекали за собой воздух и сами рождали новый могучий ветер. И старые Ветры были вынуждены подчиниться. Ураган потряс дворец Фанфарона, сметая со стен стражу. А затем, радужные лучи от тысяч маленьких ручных зеркал обступили замок, плющ и вьюнки мигом обвили эти лучи до самых зубцов стены. По зеленым, качающимся плетям вьюнков и плюща, как по веревочным лестницам, карабкались синегорцы.

Они ворвались во дворец. Ветродуи были перебиты. И вскоре, над главной башней замка взвилось семицветное знамя синегорцев, знамя Большой Радуги, предвестницы доброй погоды и ясного счастья.

Жилдабыл пытался бежать из дворца на ветролете, но разъяренные Ветры схватили его, и так как каждый из них дул в свою сторону, то главный Ветрочет был разорван на части. Перепуганного короля нашел под лестницей Изобар.

- Ну, - сказал оружейник, - теперь ты Фанфарон РовноДвенадцатый, и более поздних уже больше не будет.

А Мастер Амальгама метался по галлереям и переходам дворца в поисках Мельхиоры.

Он обошел башни и казематы. Наконец, в одном из подземелий он нашел сморщенное, исхудавшее, безобразное существо. Несчастная закричала, увидев Мастера, и прикрыла ладонями лицо. Но хриплый голос ее показался сладостно знакомым Амальгаме.

- Кто ты? - спросил он, боясь ошибиться.
- Ты не узнаешь меня? Я была когда-то твоей любимой. Теперь я могу умереть спокойно, ибо знаю, что ты остался верен своей правде. Но я не в силах жить при таком уродстве.
- Погоди! - воскликнул Амальгама. - Если ты веришь моей любви, взгляни в это зеркало.
- Нет, я не хочу смотреть! У меня нет больше сил хотя бы еще раз взглянуть на свое безобразие.

И она упала замертво на сырой пол. Амальгама бросился на колени, приложил к ее губам зеркало и увидел, как оно помутнело на мгновение. Значит, Мельхиора была жива. Поцелуями он согрел ее помертвевшее лицо и насильно заставил смотреть в зеркало. Превозмогая отвращение вгляделась в стекло Мельхиора. Но вдруг что-то прекрасное мягко проступило в глубинах зеркала. И, глядя в стекло, Мельхиора почувствовала, что лицо ее подчиняется чарам зеркала и черты яснеют, морщины расправляются, язвы заживают, и она с каждой минутой хорошеет.

- Смотри же, смотри, - говорил Амальгама. Она смотрела в зеркало пристально, не отрываясь. И вдруг увидела, что по-прежнему хороша, - нет! еще прелестнее, чем была когда-то!..

И когда они вместе вышли на балкон - Мастер Зеркал и прекрасная Мельхиора, - синегорцы встретили их радостными возгласами. Они потрясали копьями, хрустальные наконечники вскинули вверх тысячи разноцветных отблесков, которые слились в торжественную радугу над ними в небе. А Дрон Садовая Голова сыпал вокруг семена цветов, и тотчас же на этом месте распускались розы и лилии.

Так Три Великих Мастера помогли синегорцам покончить с нашествием Ветров и обрести свободу. Все Ветры были засажены под замок. Их выпускали теперь лишь на работу: чтобы подмести от туч небо, вертеть мельницы, надувать паруса кораблей.

В Синегории снова зацвели сады, засверкали зеркала и в печах появились вьюшки. А на стене дворца прибили новый герб: радуга была на нем и стрела, оплетенная вьюнками

0тца заменит сын, и внук заменит деда,
На подвиг и на труд нас Родина зовет!
Отвага - наш девиз, - Труд, Верность и Победа!
Вперед, товарищи! Друзья, вперед!

"Отвага, Верность, Труд, Победа!"